

УДК 008
ББК 71.0

Д. В. Сергеев
г. Чита, Россия

Процессы архаизации в тоталитарной советской культуре¹

В статье рассматривается особенность реализации архаизации современности в качестве стратегии преодоления культурного кризиса. Обосновывается идея наличия мощного источника архаизации в советской тоталитарной культуре. На основе анализа различных исследований выводятся основные характеристики архаизации культуры в форме мифологизации.

Ключевые слова: архаизации современности, неомифология, культурная семантика.

D. V. Sergeev
Chita, Russia

Archaization Processes in Totalitarian Soviet Culture

The article analyzes peculiarities of archaization of modern times as a strategy to overcome cultural crisis. The idea that there was a powerful archaization source in totalitarian Soviet culture is grounded. The author of the paper defines features of cultural archaization in the form of mythology based on the analysis of different studies.

Keywords: archaization of modern times, neomythology, cultural semantics.

В рамках культурно-семантического подхода выделяются три основные стратегии культурно-семантического оформления реакции на культурный кризис: архаизация современности, осовременивание архаики, изобретенная архаика. Данные стратегии – ответ общества, который он формулирует в качестве культурно-семантической модели своего поведения. Это похоже на прорыв определенного типа смыслов к своему бытийному выражению. Момент прорыва можно обозначить как критическую точку, в которой происходит выбор между возвращением к архаике и попыткой осовременивания (модернизации).

Механизмы архаизации современности двойственны: с одной стороны, необходимо интеллектуальное усилие, с другой – требуется бессознательный отклик со стороны значительной массы представителей культуры на подобные «инициативы». Это возможно, если кризис носит системный, т. е. всесторонний, всекультурный характер или имеется стойкая тенденция возрождения архаичных элементов, которые с упорством воспроизводятся. Предельным вариантом, характерным для актуального развития нашего общества, является совпадение этих двух тенденций.

Возрожденческие процессы негативного характера, которые обнаруживаются в культуре современной России, связываются с переломным моментом 80–90-х гг. XX в. Однако далее будет

предпринята попытка показать, что сегодняшние тенденции являются второй волной архаизации (в нашем случае мифологизации). Первая стадия относится к 1917 году, когда был запущен долгосрочный процесс архаизации и когда впервые обнаруживаются полномасштабные процессы архаического поворота во всех сферах общества. Сейчас уже не вызывает сомнения, что события этого периода явились реакцией на капиталистические преобразования конца XIX и начала XX вв., что предполагало разрушение старого уклада жизни, традиционной аграрной культуры России. Е. Добренко последовательно и упорно отстаивает эту идею: «“Реальный социализм в отдельно взятых странах” есть реакция первобытно-общинных, патриархальных и феодальных форм сознания на индивидуализацию и персонализм» [10, с. 38]; «Демократизация в XX в. выявила экономическую, политическую и культурную несостоятельность многих наций перед лицом неизбежной модернизации, что привело к утверждению национальных мобилизационных проектов, опирающихся на популизм и архетипы массового сознания» [11, с. 64].

Источник процесса архаизации обнаруживается в культуре периода становления советского тоталитарного общества. Детальный анализ был проведен группой ученых с целью выявления мифологизации мышления советского человека в пе-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.2 Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук, проект «Кризис современной российской культуры: стратегии его преодоления в общественном сознании».

риод становления тоталитаризма. Изложенные в сборнике «Соцреалистический канон» результаты исследования являются солидной эмпирической базой, позволяющей реконструировать постепенно нарастающий процесс архаизации советской культуры. Наглядно это проявилось в искусстве. Если воспринимать искусство как «лабораторию» по созданию знаковых систем культуры и как «полигон» по их апробации, то именно в искусстве нагляднее всего проявился процесс архаизации в форме мифологизации. Х. Гюнтер утверждает: «Мифологизация определяет не только стилистический уровень, но всю макроструктуру соцреалистического текста» [10, с. 47]. Это, безусловно, поворот социального и культурного развития вспять.

Конкретной формой архаизации явилась мифологизация общественного и индивидуального сознания советского человека. В этом есть определенная закономерность и даже логичность. Нам показалась интересной характеристика Лидией Гинзбург своей эпохи как времени «развязывания инстинктов» и «необходимости в “мудром общественном устройстве”, которое могло бы хотя бы частично их социализировать» [12, с. 46]. Она, как очевидец того времени, описала и зафиксировала противоречия общественного устройства и развития культуры. Если продолжить эту мысль, то может получиться следующая логическая цепочка. При культурном движении вспять происходит «развязывание инстинктов», что требует форм их социализации. Как и инстинкты, соответствующие им формы социализации заимствуются из прошлого. Скорее всего, речь в данном случае идет о бессознательных автоматизмах и навыках, хорошо усвоенных стереотипах и забытых моделях социального поведения.

Объяснение устойчивости социализированного социокультурного опыта можно найти в теории Ч. Тейлора. Он обосновывает использование понятия «социальное воображаемое». Под ним ученый подразумевает «те способы, благодаря которым они [люди – Д. С.] представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят, и глубинные нормативные идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями» [20, с. 19]. Необходимость различения социальной теории и социального воображаемого определяется, по мнению канадского мыслителя, несколькими причинами: «... во-первых, потому что меня интересует, как воображает свое социальное окружение самый обычный и простой человек, представления которого зачастую запечатлеваются не в теоретических конструкциях, а в образах, историях, легендах и т. д. Во-вторых, теория слишком часто оказывается собственностью незначительного меньшин-

ства, в то время как социальное воображаемое отличается тем, что его разделяют большие группы людей или даже общество в целом..., в третьих, ... социальное воображаемое – общепринятое понимание, делающее возможным совместные практики, а также формирующее и сплачивающее чувство легитимности» [20, с. 19–20].

Анализируемое понятие позволяет раскрыть механизм социального взаимодействия и поведения людей, опирающийся в большей степени на неосознаваемые конвенциональные правила. Социальное воображаемое состоит из типовых ожиданий («общепринятое понимание вещей»), чувства взаимного приноравливания («чувство обычного порядка вещей»), представления о моральном или метафизическом порядке, что позволяет трактовать социальное воображаемое шире, нежели простое понимание повседневных социальных практик, культурного смысла или строго выверенных научных теорий.

Следовательно, делает вывод Ч. Тейлор, практики и их понимание оказываются взаимообуславливающими. «Если понимание делает практику возможной, то верно также и то, что сама практика обеспечивает ее понимание. Можно говорить о вполне определенном “репертуаре” коллективных действий, находящемся в распоряжении конкретной социальной группы в тот или иной исторический момент» [20, с. 21]. Каждый человек обладает «имплицитной “картой” социального пространства», что позволяет реализовывать социальные практики без их сознательного обоснования. Ч. Тейлор, таким образом, утверждает, что люди опираются в своем поведении на ощущения, теоретизируют по поводу социального воображаемого «задним числом».

Интересен пример, приводимый ученым, поскольку он относится к российской экономической действительности. Канадский мыслитель считает, что некоторые экономические инициативы правительства могут саботироваться со стороны граждан по причине конфликта между теорией, на основании которой осуществляются те или иные мероприятия, и репертуаром коллективных действий, которым обладает население. Попытки стимулировать развитие малого бизнеса могут натолкнуться на недоверие людей к участникам совместного дела, не являющимся их родственниками, что определяется социальным воображаемым данного коллектива. Это показывает укорененность социального воображаемого, которое жестко регламентирует имплицитную карту социального пространства, сопротивляясь корректировке со стороны теорий.

Доказательством объективного протекания возрожденческих процессов советского времени является их обнаруживаемость этнографическими методами [14]. Данные этнографов, проводив-

ших исследование в 20-х гг. XX в., показывают возможность причудливого и даже карикатурного переплетения «старого» и «нового» в быту, мировоззрении и образе жизни селян» [1, с. 110]. Вот как ученые характеризуют жителя белозерской глубинки Дмитрия Соловьева, отмечая, что в нем сосуществовало как бы два индивида: «Один – покорный заветам предков, внук колдунов и сам колдун. Второй – комсомолец, легко жертвующий тайной колдовства <...>, ученик сельскохозяйственной школы. И не один Соловьев, но и вся деревенская молодежь проходит такой же путь от старого к новому» [1, с. 110]. Поскольку на тот момент крестьяне составляют большинство населения России, то такое эклектичное сознание является характерным для большей части населения страны.

Н. Н. Козлова назвала таких людей «кентаврами», транзитивами, которые не просто помнят традиционную культуру, «но которая занозой сидит в их подсознании» [14, с. 114]. Далее исследователь показала, что при всех тенденциях внедрения проиндустриального мышления сверхчеловек оставался крестьянином по сути. Главное следствие – несформированное рациональное мышление. Вот как она описывает типичного транзитива: «Но в целом Владимир Ильич действовал в жизни так, как действуют крестьяне. Он вел молчаливую и терпеливую борьбу за существование, культивируя извечные формы крестьянского сопротивления. Он участвовал и уклонялся, как “лист травы”. Он исповедовал уравнительность в том смысле, что все имеют право на жизнь. Крестьяне, искони кем-то управляемые, в принципе не знакомы с функционированием государства как сложного механизма. Они воспринимают его либо как чудовище, либо как большую семью, выполняющую страшающие функции. Начиная жизнь в большом обществе, они участвуют и ускользают, они понимают и не понимают. Чаще всего они не подозревают... Собственно выбор как выбор рациональный не совершался. Молодые люди “дрейфовали”. Они действовали в соответствии с собственной диспозицией, которая в те годы (культурная революция, первые пятилетки) подсказывала им целесообразность участия в новой социальной игре. А чувство игры – это ощущение собственной позиции в социальном пространстве и точное ощущение позиции других. Таково свойство игры» [14, с. 118–119]. Для истории и современной России расщепленное сознание является важным фактором развития, которое продолжает сказываться на нем до сих пор.

В начале 90-х гг. XX в. В. Г. Бабаков, ссылаясь на современных западных и отечественных социологов, говорил о сохранении и важной роли уклада доиндустриального типа в советском обществе при кажущемся преобладании индустриального сектора экономики [2, с. 141].

Ученый указал на опасность застревания в состоянии транзитивности («субкультура транзитивности») – консервировании состояния перехода от традиционного общества к индустриальному, т. к. это ведет к маргинализации ряда социальных групп. «Индикатором маргинальности является наличие теневого поведения, которое не вписывается в традиционные представления о стандартном поведении этнофоров того или иного народа. Обычай и этнические традиции для маргиналов уже не выступают регулятором их поведения. При этом разрушаются традиционные этнические ценности, внедряются новые поведенческие коды, не свойственные как этнической этике традиционных народов, так и позитивным ценностям современной цивилизации» [2, с. 224]. В. Г. Бабаков показывает, что в условиях быстрых изменений общество не успевает приспособиться. Это приводит к тому, что «появляется желание совершить “магический” поворот времени вспять к традиционным этническим ценностям» [2, с. 231]. Уязвимым местом в рассуждениях ученого является попытка связать повороты вспять только с проблемами молодежных субкультур.

Далее, опираясь на коллективное исследование, изложенное в монографии «Соцреалистический канон», и ряд статей, мы покажем, какие конкретные черты архаического (мифологического) сознания были реактуализированы и в какие формы этот процесс был облечен в период становления тоталитарной культуры.

1. Синкретизм.

Синкретизм восприятия – основная черта мифологического и неомифологического мышления, что отразилось в создании синтетических произведений искусства. Основанием синкретизма явилась эстетизация.

Неомифологизм, как существенная черта развития культуры XX века, развивался по двум противоположным направлениям: модерн и тоталитаризм. Не случайно соцреализм и официальная литература фашистской Германии были враждебны к модерну. Западноевропейский модерн также способствовал мифопоэтическому ренессансу. Однако он выполнял принципиально иные функции [15].

Синкретизм актуализировал архаические языки культуры, в частности фольклор. Исследователи вскрыли тесную связь между тоталитарными режимами и фольклоризацией: «В тоталитарных обществах происходит фольклоризация всей культуры путем “возрождения” народных традиций. С одной стороны, оживляются народные песни и танцы, с другой, мотивы и приемы фольклора рекомендуются как образец для профессионального искусства. В то время как в Германии фольклор должен был выразить вечную суть не-

мецкого народа, в советской России привилась сталинская формула культуры “национальной по форме и социалистической по содержанию”» [6, с. 385]. Это привело к становлению фольклорного сознания с ослабленными чертами рационального мышления. Фольклорностью проникнуты многие тексты того времени, в том числе работы Сталина: «Было здесь что-то, глубоко созвучное самой конспиративно-магической эстетике режима, опознающей себя в реликтовых формах фольклора» [3, с. 706].

Х. Гюнтер прямо говорит: «Литература советской эпохи отличается ярко выраженной мифологичностью и со временем все более превращается в “официальный резервуар государственных мифов”¹. При этом мифологизации подлежат не только литература и другие виды искусства, но и вся советская культура, включая и господствующую идеологию» [4, с. 743]. И. Смирнов обнаруживает в советской художественной литературе характеристики мифологического анимизма, заключающиеся в очеловечивании неживой природы и выступающие компенсацией дегуманизации тоталитарного мышления [19, с. 17]. Х. Гюнтер считает, что соцреализм опирался на антропоморфный образец мифа [5, с. 47].

2. Использование символов традиционной культуры, ориентация на прошлое, отсутствие изменений, вера в извечность завещанных предками традиций.

Все исследователи подчеркивают, что реализм в советском искусстве является условным названием. Это мифология, облеченная в реалистическую форму [7, с. 10]. Любая тоталитарная культура не может укрепиться в массах, если не оперирует символами традиционной ментальности и традиционной мифологии. «Становление советской мифологии можно описать как процесс актуализации определенных архетипов» [4, с. 743].

К. Леви-Стросс показал, что мифы традиционной культуры являются коллективными, понятными для всех членов общности и не требуют объяснения или дополнительной артикуляции [24, с. 223–226]. Возможно, здесь кроется объяснение нечувствительности большинства носителей культуры к происходящим культурным возрождениям, поскольку они реализуются в естественных формах. «Соцреализм, будучи языком власти и массы, не создает своих художественных кодов, но использует уже наработанные культурой, внутренне их перестраивая» [10, с. 32]. Традиционные социокультурные коды просты, суггестивно насыщены, эффективно действенны, физиологически примитивны, психически автоматизированы и ближе всего расположены к коллективному бес-

сознательному опыту масс. «Ценностная модель соцреализма восходит к эстетике массовой культуры, далее к лубку, и еще глубже – к народным представлениям о счастье, в мир сказки, и, наконец, в мир детства и варварства, в догуманистический инфантилизм человечества» [10, с. 39].

Литература соцреализма характеризуется возвращением на более раннюю ступень развития, в эпоху притчи. Это позволило, например, использовать архаичные формы при характеристике героя-руководителя. Хвалебные эпитеты напрямую отсылают к древнерусской литературе, где они обнаруживаются при изображении князей и царей.

Те же закономерности исследователи обнаружили в отношении советской массовой песни, которая построена не только на основе идеологических лозунгов, но «рождается из глубинных пластов общественной психики», а ее подъем «объясняется глубинным сдвигом в психомифологической атмосфере советского общества, одним из видов выражения возникающего архетипа матери» [4, с. 772–774].

Ориентация на прошлое, которая может показаться парадоксом для советской культуры, имеет свою логику. Она позволяет актуализировать коллективную память народа и эксплуатировать заложенные в подсознании культурные коды и языки. Таким образом, тоталитарное настоящее пряталось и говорило на хорошо знакомом языке предков, открывая широкие возможности для идеологических манипуляций. «Воспевая возвращение страны к состоянию райской изначальности, фольклор маркирует начало (ре)конструкции мифологического времени, в котором Советский Союз идет назад, к архаическому, буколическому, антигородскому и антимодернистскому социальному строю, где люди живут в просматриваемых коллективах. Таким образом, вместе с оживленным фольклором в советскую действительность вписывается символистический порядок, превращается в рай» [23, с. 78].

Критика модерна, борьба с авангардным искусством и победа «классицизма», характерные также для тоталитарного режима Германии, обозначают установление «вечного порядка». «Стремление к монументальному классическому порядку наблюдается не только в архитектуре, но и – особенно с середины 30-х гг. – во всех сферах жизни» [7, с. 12]. Показательным событием, реабилитирующим архаику, особенно в сочетании с категорией «народность», является защита фольклора как наиболее близкого соцреализму в историческом и идеологическом смысле жанра. Во многом реабилитация фольклора происходила при поддержке и авторитете М. Горького, который говорил о наличии генетической связи между ми-

¹ Х. Гюнтер дает ссылку на работу Clark K. *The Soviet Novel. History as Ritual*. Chicago/London, 1981. P. XII.

фологией, как спонтанном творчестве масс (обязательно трудящихся), и соцреализмом.

Другим показательным примером является возрождение жанра исторического романа. «Соцреализм имплицитно не “прыжок в будущее”, а непрерывность и вечные ценности» [5, с. 46]. Однако использование прошлого в советской тоталитарной культуре имеет особенности, поскольку оно не воспринимается как идеал с необходимостью повторения в настоящем, оно скорее используется для обоснования настоящего. Тем не менее, отсутствие живой связи с прошлым порождает «ахроническую модель времени с кругообразной структурой» [5, с. 46], что по сути есть воскрешение мифологических представлений о времени. Во многом эта модель воспроизводит православную структуру календаря и заменяет его в условиях воинствующего атеизма. Это возвращение по кругу не открывает перспектив, не движется вперед, не способствует позитивному накоплению традиций.

Исследователи, пытаясь обосновать такое понимание прошлого, указывают, что «советская культура 1930-х годов понимает себя как культура после апокалипсиса. Фольклор представляет тот историко-эстетический контекст, в котором соцреализм рассматривается как восстановленное первобытное состояние изначальной литературы народа, ... в котором эпос и историография еще не были разъединены» [23, с. 78]. Следовательно, исчезает граница между документом и вымыслом, между мифом и реальностью. Эта схема переносится на современность 1930-х гг., где советский мифологический текст выдается за отражение советской действительности.

Косвенным подтверждением особого отношения к прошлому является установившийся со второй половины 1930-х гг. «патриотический взгляд на русскую историю, подчеркивающий роль великого русского народа и его властителей» [6, с. 377]. Такой взгляд может быть охарактеризован термином «этнопретеризм». «Этнопретеризм – это ориентация на этническое прошлое. Положительная оценка здесь дается прошлому, подчеркивается важность чистоты национальной культуры, проявляется нетерпимость ко всему новому, т. е. чужому. По сути, национальная культура отождествляется с произвольно взятым статичным отрезком ее истории, который в ходе развития культуры неизбежно удаляется в прошлое, – а потому заимствование чужой духовной культуры вместе с чужой материальной культурой становится неизбежным. Такая ориентация способствует маргинализации национальной культуры и, в конце концов, ее угасанию» [21].

Такую же роль могут выполнять недавние события, подвергшиеся сакрализации и обретшие собственную мифологию. «Возникшая в ре-

зультате мифологии война послужила настолько фундаментальным механизмом легитимации советского строя, что пережила его, и в некоторых своих фрагментах длится до сих пор. Только ее “расколдовывание” сделает войну событием, относящимся к историческому, а не “вечному” времени» [18, с. 815].

Важно отметить, что само отношение к прошлому является «творческим». Прошлое воспринималось ретроспективно, что предполагало знание о последствиях, которые имели те или иные исторические события. Это позволяло приписывать поступкам исторических персонажей идеологическую телеологию, усматривать тот смысл, который был необходим. «Это “чтение назад” порождает эффект мертвого прошлого. Можно сказать, что в этих повествованиях прошлого вообще нет – есть только история» [9, с. 643]. Это позволяло представить всю историю человечества как постепенное и неуклонное движение к социалистической революции и установлению коммунизма.

3. Сакрализация.

Сакрализация определенных сторон общественной жизни выразилась, по мысли И. Смирнова, в имплицитном становлении негативной антропологии и негации антропологии. Дегуманизация проводилась через неявное табуирование человеческого. «Табуирование человеческого есть тайна. Все советские люди обязываются к скрытности. Иными словами, они становятся без разбора обладателями исключительности. Массовая исключительность означает, что люди объединяются друг с другом (например, в концлагерях, в колониях для беспризорных, в местах расселения ссыльных народов, в колхозах, отбирающих у крестьян удостоверение личности, и т. п., или, с другой стороны, на трудовых и воинских постах, где совершается чудо коллективного самозабвения, самопожертвования) по негативному признаку – постольку, поскольку они выпадают из рода человеческого» [19, с. 18].

В свою очередь сакральное требует охраны от злых сил, покушающихся на него. Поскольку сакральным обладают все, то все находится под подозрением. Распространенным становится вера в определенные формы оборотничества. Врагом может оказаться кто угодно, в него могут превратиться (обернуться) даже самые близкие люди.

Х. Гюнтер утверждает: «Сакрализация означает, что тоталитарные государства включают в репертуар пропаганды религиозные символы и до известной степени представляют новую религию» [8, с. 15]. В научной литературе существует значительное количество рассуждений относительно атеизма в советском государстве как новой религии. Доказательством этого является календарь праздников, который по аналогии с круговым календарем православия воспроизво-

дит определенные циклы. Неизжитая или вновь сформированная «религиозность» проецируется на идеологически важные личности прошлого и настоящего. Следовательно, религиозные чувства вовсе не изживаются, а переоформляются и эксплуатируются в новых контекстах для достижения определенных целей.

Сакрализация выступает эффективным средством подмены религии христианской религией атеистической: «В любом случае профанация настоящего и сакрализация будущего является единственной возможностью сохранить оптимизм в отсутствии Бога и загробной жизни» [16, с. 481]. Исторический оптимизм, становление которого обусловлено сменой веры в лучшую загробную жизнь на веру в светлое будущее, «нуждается во внеисторических гарантиях, вручаемых не Богу, которого нет, но его антропологической противоположности – Авторитету» [16, с. 482]. Таким авторитетом становится вождь. Сакрализации подвергались также отдельные стороны культуры, например, пространство, что обусловило, по мнению К. Кларк, центральное положение архитектуры в соцреализме [13, с. 120].

4. Мифологическая логика. Антропоморфизм.

Мифология основывается на особой форме внерациональной логики. Важнейшим средством мифологического мышления является использование разнообразных приемов образного мышления, которые в их современном состоянии изучаются стилистикой. Здесь прослеживается сходство между средствами мифологического и поэтического мышления (мифопоэтическое мышление), поскольку в обоих случаях обнаруживаются ведущие средства – метонимия и метафора. И. Смирнов указывает, что синекдоха, частный случай метонимии, обозначающий замещение целого частью, становится ведущим способом мышления в соцреализме [19, с. 19].

В какой-то степени возрождается способ семиотического обозначения через изъятие, присутствующий архаическому типу мышления (К. Леви-Строс). Лишая мифологических персонажей частей тела, мышление запускает механизмы означивания и наделения смыслами социально важные культурные объекты. «Прямохождение советского человека неполноценно (герой соцреалистических текстов нередко хромает, подобно Воропаеву из “Счастья”) или вовсе невозможно (Алексей Мересьев, раненный в обе ноги, пробирается в “Повести о настоящем человеке” по тылам противника к свои ползком)» [19, с. 19].

В значительной мере логика мифа выстраивается по схеме и законам метафорического переноса. Это определяет, в свою очередь, широкое применение средств искусства и его категорий. Х. Гюнтер говорит об увеличении значения

эстетического как признаке «существенных изменений в структуре политических и общественных функций». Ученый уверен, что эстетизация публичной жизни в тоталитарных государствах приводит к утрате разумом центральной роли (эту мысль он повторяет вслед за Тйец Удо).

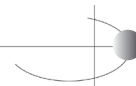
Х. Гюнтер также использует объяснительную схему Я. Мукаржовского, который раскрыл особенности проявления эстетической функции: «Благодаря эстетической функции предмет освобождается от привычных взаимосвязей и делается объектом целостного восприятия. Не будучи ограниченной лишь сферой искусства, эстетическая функция пронизывает все сферы жизни (политика, повседневность, телесность, потребление, мода) и из-за своей “прозрачности” способна временно замещать или компенсировать иные функции (практические, теоретические, религиозные и т. д.) тогда, когда их доминирование ослабевает» [8, с. 13–14]. Ученый именно этим объясняет факт присвоения эстетической функции государством в тоталитарных обществах.

Эстетизация ориентируется на визуализацию образа. Она позволяет обращаться к образно-символическому мышлению, минуя рациональное. Следовательно, культурный смысл презентуется не в логических категориях, а в эмоциях, облеченных в хорошо опознаваемые символы.

Х. Гюнтер выделяет следующие формы становления культа красоты в тоталитарных обществах: театрализация, сакрализация, мифологизация, производство визуальной сверхреальности. По сути, это те самые характеристики, которые мы выделили в качестве основных для сознания, ориентированного на архаизацию. Так, мифологизация позволяет реактуализировать архетипические формы осмысления реальности, что определяет использование бинарных оппозиций в качестве основных категорий мышления советского человека.

5. Коллективизм мышления, ослабление рефлексии, примат рода над индивидом.

Советское тоталитарное мышление инфантильно. «Как и мир детства, соцреалистическая культура *семейна*. В процессе десоциализации происходит обратная замена социальных связей связями семейными. Оба мира опираются на патриархальное сознание, которое строится на надличных категориях семейственности: “Родина-мать”, “Отец народов”, “республики-сестры”, “народы-братья”, “старший брат” и т. д.» [10, с. 35]. Подавляя индивидуальное, тоталитарное мышление апеллирует к коллективному. При этом происходит деградация способностей к рефлексии. Характер мышления в таких случаях может быть описан в терминах «умственные установки», «привычки сознания» [10, с. 31]. Терапевтический эффект архаизации, прежде всего, наце-

лен на отключение рефлексии как высшей формы деятельности, требующей немалых усилий со стороны личности и включение энергоемкого бессознательного мышления. Массы видят «в мифе обоснование справедливости своих устремлений, желаний, ненависти и т. д.» [10, с. 31]. «Тоталитарные культуры рождаются как реакция доперсоналистических архетипов сознания, первобытно-коммунистических его форм на постоянный процесс развития и усиления личностного начала... Любая форма тоталитарной культуры рождается как феномен коммунальности-коллективности в классовом и национальном изводе» [10, с. 32].

М. Рыклин показал, как действует механизм включения бессознательной символики через анализ метродискурса (совокупности текстов о строительстве метро). Перековка человека происходит на основе обращения к бессознательным слоям коллективной памяти, откуда извлекаются древние предрассудки. Они становятся средством освоения бурно меняющейся реальности. «На свой лад метродискурс магичен, он некритически заимствует из бессознательного перевоспитуемой, прежде всего, крестьянской массы ряд стереотипов. Отсюда понятна двусмысленность его отношения к технике, которая воспевается как универсальное спасительное средство и одновременно преодолевается, становясь жертвой непредсказуемой импровизации» [17, с. 715].

Рождаемое процессом модернизации чувство экзистенциального одиночества – «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл) – ориентирует социокультурные группы на порождение культурных форм, которые способствовали бы их возвращению к коллективному общему.

Процесс растворения индивида в коллективе отразился в литературном процессе. У Юстуса считает, что реанимируя фольклор, принципы коллективного творчества, М. Горький как главный идеолог социального реализма легитимировал ликвидацию индивидуального творчества, что позволило в дальнейшем власти вмешиваться в процесс написания литературного произведения [23, с. 73]. Показательным является воскрешение эпоса в качестве ведущего, признанного жанра в литературе того времени. «Новый советский фольклор возникает именно на этой почве как стремление к возврату к архаической, устной культуре эпоса» [4, с. 756].

Контроль коллектива над индивидом осуществляется через исповедь. Эта модель речевого поведения является основополагающей в тоталитарном обществе. «Нельзя скрыться или отклонить как бестактность требование исповеди. В рамках тоталитарной культуры коммуникативная

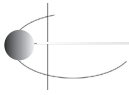
структура исповеди становится привилегированным способом инфантилизации, подчинения отдельного человека единственному сакральному центру. Исповедь скрепляет семейные структуры, придает “семейственность” общественным отношениям: человек должен вести себя как ребенок перед всемогущим отцом. И, следовательно, есть только один отец, свехотец, который прощает или осуждает своих детей» [22, с. 910]. К. Шрамм подчеркивает связь исповеди с инфантилизацией, поскольку происходит изменение статуса человека, который теряет свою гетерономность и «становится ребенком перед единственным, всемогущим и “святым” отцом» [22, с. 918].

6. Ритуализация повседневности.

О соотношении мифа и ритуала написана значительная литература, в том числе и о разнообразных функциях ритуала. Ритуал – средство перевода идеологии (миф) в действие (обряд). Он позволяет сделать абстракцию видимой и осязаемой. Выполнение ритуала направлено на сплочение коллектива, на преодоление социальной фрустрации, сублимацию общегрупповых страхов. Его терапевтический эффект очевиден, хотя он не решает проблемы, но снижает остроту ее переживания. По этой причине соцреалистическая культура была переполнена разными ритуальными действиями (парады, гуляния, демонстрации, коллективные собрания и пр.). «По сути, такого рода действия являют собой законченные виды введения массы в так называемые “оргастические состояния”, в которых человек окончательно теряет всякую индивидуальность; в этих ритуалах для человека исчезает внешний мир, а вместе с ним и чувство групповой сопричастности и квазиединства, но поскольку эти оргастические состояния и экзальтация лишь на время освобождают человека от одиночества, они протекают в тоталитарной культуре перманентно» [10, с. 32]. В этот период также обнаруживаются ритуалы революции. Прежде всего, это иконоборчество, свержение памятников и символов прошлой жизни и пр.

Ритуализация, основанная на повторении, обусловлена восприятием кругового характера времени, отсутствием движения вперед.

Таким образом, можно констатировать, что мощный источник архаизации был сформирован в условиях тоталитарного общества. В дальнейшем произошло значительное смягчение этого процесса, но не его прекращение. Переломные события конца XX века могут считаться второй волной архаизации (по Ахиезеру, даже не второй, а очередной), которая реализовывалась с опорой на уже выработанные в коллективном сознании россиян мифологические модели.

Список литературы

1. Алымов С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 109–129.
2. Бабаков В. Г. Кризисные этносы. М.: ИФ РАН, 1993. 183 с.
3. Вайскопф М. Писатель Сталин: заметки филолога // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 673–712.
4. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 743–784.
5. Гюнтер Х. Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 41–48.
6. Гюнтер Х. Тоталитарная народность и ее истоки // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 377–389.
7. Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 7–15.
8. Гюнтер Х. О красоте, которая не смогла спасти социализм // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 13–31.
9. Добренко Е. Между историей и прошлым: писатель Сталин – литературные истоки советского исторического дискурса // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 639–672.
10. Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 31–40.
11. Добренко Е. Сталинская культура: скромное обаяние антисемитизма // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 52–83.
12. Зорин А. Лидия Гинзбург: опыт «примирения с действительностью» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 32–51.
13. Кларк К. Соцреализм и сакрализация пространства // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 119–128.
14. Козлова Н. Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112 – 123.
15. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 407 с.
16. Постоутенко К. Исторический оптимизм как модус сталинской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 481–491.
17. Рыклин М. Метродискурс // Соцреалистический канон: сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 713–728.
18. Рыклин М. Немец на заказ: образ фашиста в соцреализме // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 814–829.
19. Смирнов И. Соцреализм: антропологическое измерение // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 16–30.
20. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас. 2010. № 1 (69). С. 19–26.
21. Хейнапуу О., Хейнапуу А. Трактовки понятия этнофутуризма в Эстонии / пер. В. Калабугин. URL: // http://www.suri.ee/etnofutu/idnatekst/heinapuud_ru.html (дата обращения 12.03.2011).
22. Шрамм К. Исповедь в соцреализме // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 910–925.
23. Юстус У. Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 70–86.
24. Lévi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris: Plon, 2002. 480 p.

Рукопись поступила в издательство 4 апреля 2011 г.